

И. Ясавеев

“Социальная проблема” в социологическом лексиконе

Познавать общество можно по-разному: изучая социальные институты, системы идей, способы производства, формы искусства, ситуации повседневного взаимодействия и т. д. [Contemporary Social Problems, 1966. P. 1]. Одну из возможных точек зрения на социальную жизнь предлагает и *социология социальных проблем* – нетрадиционная для отечественной социальной науки, но уже заявившая о себе область социологического знания. Значение такой точки зрения обусловлено прежде всего сложностью и драматичностью тех явлений, что обозначаются понятием “социальная проблема”. Опыт повседневной жизни, сообщения средств массовой коммуникации и данные социологических исследований свидетельствуют о том, что современное российское общество насыщено социальными проблемами гораздо больше, нежели это было пятнадцать лет назад. Бедность, безработица, преступность, употребление наркотиков, терроризм, техногенные катастрофы, “новые” заболевания (такие, например, как “птичий грипп”) – это далеко не полный перечень явлений, которые вызывают у людей тревогу и беспокойство.

Социальные проблемы, “внезапно” обрушившиеся на нас, – что это? Нежелательные, но неизбежные следствия быстрых социальных изменений, их побочный продукт, “цена” преобразований? Неотвратимая реальность, с которой нам отныне предстоит жить и справляться, создавая социальные проблемы, используя в своей профессиональной карьере и устраняя во благо себе и другим людям? Поиск ответов на вопросы о том, какова природа феномена социальной проблемы, каким образом социальные проблемы возникают и какую роль они играют в процессах социальной

трансформации, нелегко, но в конечном итоге приводит к неожиданным и порой захватывающим открытиям, позволяющим полнее понимать происходящее.

Значение этой области социологии подтверждается и тем, что посредством исследования социальных проблем мы получаем в конечном счете еще одну возможность проникновения в процессуальную природу общества, возможность увидеть, что общество – это не реальный объект, некая жесткая система, а процесс, постоянный поток социальных событий.

Возникновение понятия “социальная проблема” и ранние подходы к социальным проблемам

Хотя трудности и страдания можно обнаружить в любом обществе в любой исторический период, представление о том, что они являются социальными проблемами, *относительно которых что-то можно и необходимо предпринять*, сформировалось относительно недавно [Study of Social Problems, 1989. P. 15]. Исследователи утверждают, что осознание существования социальных проблем – общая тенденция видеть и осуждать условия несчастий, случающихся с *незнакомыми, неблизкими* людьми, и решимость изменить эти условия – не могло появиться до возникновения в Западной Европе конца XVIII века своеобразного комплекса четырех идей: старой идеи равенства и новых идей природного совершенства человека, изменчивости социальных условий и гуманизма [Green. P. 31–32]. Наиболее значимую роль в признании существования социальных проблем в западном обществе эпохи модерна сыграли: 1) светский рационализм, сущность которого заключалась в концептуальном переводе

проблем и условий из древнего теологического контекста добра и зла в рационалистический контекст аналитического понимания и контроля, и 2) гуманизм как постепенное расширение и институционализация чувства сострадания [Contemporary Social Problems, 1966. P. 7].

Само словосочетание “социальная проблема” появилось в западноевропейских обществах в начале XIX века и первоначально использовалось для обозначения одной конкретной проблемы – неравномерного распределения богатства [Schwartz. P. 276–296]. Понятие *социальной проблемы как нежелательной ситуации, которую можно и нужно изменить*, несколько позже используется в западных обществах при осмыслении социальных последствий промышленной революции. В США понятие социальной проблемы стало использоваться в конце Гражданской войны 1861–1865 годов, повлекшей за собой ухудшение жизненных условий большей части населения. В Британии значительную роль в осознании существования социальных проблем сыграли данные статистических обследований, опубликованные в конце XIX века. Описания бедности низших социальных слоев населения поразили британскую общественность. По данным обследования Чарльза Бута “Жизнь и труд населения Лондона” [Booth], значительная часть жителей столицы Британской империи жила в ужасающей нищете: в этом городе было 387 тысяч “очень бедных”, 220 тысяч недоедавших и 300 тысяч голодавших [Цит. по: Гидденс. С. 227], тогда как общее число лондонцев в 1881 году составляло 3 815 544 человека [Брокгауз и Ефрон. Т. 34. С. 951]. По данным сходного обследования Сибома Раунтри, проведенного в Йорке, треть рабочего населения этого города находилась в состоянии физической или абсолютной бедности [Цит. по: Manning. P. 3].

Исторически первым подходом, который использовали социальные реформаторы и исследователи социальных проблем в конце XIX – начале XX века, был **подход социальной патологии**. Его фундамент составляет органическая аналогия, то есть понимание структуры и функций человеческого общества по аналогии с природой живых организмов. С данной точки зрения, люди или ситуации являются социальными проблемами в той степени, в какой они препятствуют “нормальной”

работе *социального организма*. Социальные проблемы, таким образом, рассматривались как *болезни* или *патологии общества*. При этом различие между нормальным и патологическим, “здоровым” состоянием общества и его “болезнью” считалось в рамках подхода социальной патологии само собой разумеющимся.

Один из теоретиков данного направления Самуэль Смит, автор книги “Социальная патология” (Нью-Йорк, 1911), выразил его сущность следующим образом: “Патология в социальной науке определенным образом параллельна патологии в медицине. Точно так же, как изучение физического заболевания имеет важное значение для поддержания физического здоровья, так социальное здоровье не может быть крепким без более широкого и более определенно знания болезни социальной” [Smith. P. 20].

Аналогия с медициной вела не только к интерпретации социальных проблем как болезней общества и стремлению “лечить” социальный организм на основе знаний, полученных в результате их всестороннего изучения. Основным источником социальных проблем большинство “социальных патологов” находили в обусловленной наследственностью “порочной” природе отдельных индивидов, их неспособности к “нормальному” поведению. Наиболее известным примером применения такого подхода к проблеме преступности являются работы Чезаре Ломброзо (1835–1909). 1876 год – время публикации его книги “Преступный человек” [Lombroso] – иногда считается некоей вехой, отмечающей начало “патологического” осмысления девиантности [Pfohl. P. 104]. Важно отметить, что идеи Ломброзо и в целом подхода социальной патологии широко использовались российскими исследователями того времени при изучении преступности, проституции и других явлений [Тарновская; Тарновский, 1888; Оболенский. С. 57–76]. Так, в 1888 году известный русский врач Вениамин Михайлович Тарновский, основываясь на результатах своих антропометрических обследований женщин, занятых на рынке секс-услуг, сделал вывод, что они “суть по большей части болезненные или недоразвитые существа, отягченные неблагоприятной наследственностью, представляющие несомненные физические и психические признаки вырождения” [Тарновский, 1995. С. 123].

Подход социальной патологии довольно долгое время служил единственным основанием для исследований социальных проблем. Расцвет этого направления приходится на период между 1890 и 1914 годами. Историки социологии связывают его доминирование с тем обстоятельством, что в условиях ровного и постепенного социального изменения в большинстве западных обществ до Первой мировой войны существующее положение вещей воспринималось как “нормальное”. Вследствие этого привычным было рассмотрение индивидов, нарушающих правила поведения, как “больных”, а нежелательных ситуаций – как “болезней общества” [Study of Social Problems, 2003. P. 17–18]. Начиная с 1914 года подход социальной патологии переживает медленный, но неуклонный упадок. Спад популярности идеи социальной патологии во многом был связан с социальными потрясениями, вызванными Первой мировой войной, в условиях которых данный подход не объяснял реальность, вследствие чего был подвергнут критике. Основное критическое замечание заключалось в том, что подход социальной патологии не свободен от оценочных суждений. Указывалось, что данный подход предполагал согласие (часто подразумеваемое) относительно того, что представляет собой нормальное, или здоровое, состояние общества. Но какое общество можно считать нормальным? Что является болезнью или патологией? Любое современное общество состоит из множества социальных групп, имеющих различные представления о норме и патологии. Критики задавались вопросом, представления каких групп составляли основание для определения социальных проблем в рамках данного подхода. По мнению Чарльза Миллса, подход социальной патологии исходил из определенных ценностей, а именно – ценностей американского среднего класса, жившего в небольших городках и следовавшего протестантским идеалам. Миллс критиковал исследования “социальных патологов”, определяя их как нетеоретические и крайне необъективные [Mills. P. 165–180]. Другой критик этого подхода отмечал: “Очевидно, у нас нет норм, реальных или воображаемых, с которыми мы <все> могли бы согласиться. Кроме того, норму невозможно установить вследствие постоянно меняющегося характера об-

щества. Каким же образом возможно знание того, что на самом деле является патологией в обществе? Ответ может быть только один: это знание невозможно” [Rosenquist. P. 44].

Переходя к рассмотрению других подходов, необходимо подчеркнуть, что ни одно из ранних направлений в сфере изучения социальных проблем не исчезло окончательно. Так, до сих пор предпринимаются попытки применять подход социальной патологии для объяснения социальных проблем. Например, сторонники так называемого моралистического подхода к коррупции видят причины этого явления в несовершенстве человеческой природы, низких моральных качествах “носителей коррумпированных политических отношений”.

Традиционные социологические подходы к социальным проблемам

К традиционным в социологии социальных проблем, как правило, относят подход социальной дезорганизации и функционалистский подход. Они считаются традиционными не только в силу относительной давности их возникновения, но и по причине длительного господства в данной области

социологического знания. В настоящее время характер многих социологических исследований, в том числе и осуществляемых российскими исследователями, соответствует этим направлениям. Основной чертой данных подходов, так же, как и подхода социальной патологии, является *объективизм* – понимание социальных проблем как “объективно” существ-

Опыт повседневной жизни, сообщения средств массовой коммуникации и данные социологических исследований свидетельствуют о том, что современное российское общество насыщено социальными проблемами в гораздо большей степени, нежели 15 лет назад

вующих патологических или дезорганизованных состояний, дисфункций или противоречий.

Подход социальной дезорганизации возникает, с одной стороны, в контексте обострения социальных проблем, вызванного ускорением темпов миграции, урбанизации и индустриализации после Первой мировой войны, а с другой – в контексте становления американской социологии [Study of Social Problems, 2003. P. 47–48]. С данной точки зрения, *социальные проблемы являются следствиями социальной дезорганизации*. Возникновение этого подхода принято связывать с публикацией труда Уильяма Томаса и Флориана Знанецкого “Польский крестьянин в Европе и Америке” (1918–1920). Социальную дезорганизацию Томас и Знанецкий определяют как “*уменьшение влияния существующих социальных правил поведения на индивидуальных членов группы*” [Томас, Знанецкий. С. 135]. Они проводят различие между социальной дезорганизацией и индивидуальной. Последняя понимается как “*снижение способности индивида организовывать всю свою жизнь для эффективной, прогрессивной и продолжительной реализации своих фундаментальных интересов*” [Томас, Знанецкий. С. 135].

Сравнение понятия “социальной дезорганизации” в том смысле, в каком его используют Томас и Знанецкий, и понятия “аномии” Эмиля Дюркгейма показывает, что, за исключением некоторых ас-

пектов, они являются сходными. Об этом свидетельствует, в частности, дюркгеймовское описание аномического самоубийства, в рамках которого он использует термины “аномия” и “социальная дезорганизация” в качестве синонимов: “В момент общественной дезорганизации – будет ли она происходить в силу болезненного кризиса или, наоборот, в период благоприятных, но слишком внезапных социальных преобразований – общество оказывается временно не способным проявлять нужное воздействие на человека, и в этом мы находим объяснение тех резких повышений кривой самоубийств, которые мы установили выше” [Дюркгейм. С. 294].

Согласно Томасу и Знанецкому, одной из причин процесса дезорганизации является расширение связи и контактов между определенной общностью и внешним миром (данное положение, очевидно, может использоваться и при объяснении некоторых реалий трансформации российского общества). У членов данной общности, отмечают Томас и Знанецкий, развиваются новые установки, которые не могут контролироваться старой социальной организацией, поскольку не имеют адекватного выражения в старых первично-групповых институтах. “Группа пытается защитить себя от дезорганизации методами, сознательно направленными на усиление влияния традиционных правил поведения. Однако эти попытки, часто эффективные, пока внешние контакты остаются ограниченными некоторой отдельной областью интересов, становятся все менее и менее действенными, когда эти контакты продолжают развиваться и постепенно распространяются на все сферы социальной деятельности” [Томас, Знанецкий. С. 134]. Проблема в таком случае состоит не в том, как подавить новые установки, оставив их в положении, в котором они выражают себя в индивидуальном бунте и социальной революции, а в том, как найти для них институциональное выражение, использовать их для социально продуктивных целей. Эта ситуация является общей для всех обществ в периоды быстрого изменения [Томас, Знанецкий. С. 134]. По мнению Тамоцу Шибутани, мысль Томаса и Знанецкого о том, что социальная дезорганизация есть неотъемлемая часть процесса социального изменения, является одной из наиболее ценных идей в социологии [Шибутани. С. 468].

Подход социальной дезорганизации стал основой работы целой плеяды социологов Чикагской школы (Р. Парк, Э. Берджесс, Р. Маккензи, Р. Каван, К. Шоу, Г. Маккей и др.). Рассматривая социальные проблемы как следствие социальной дезорганизации, они изучали подростковую делинквентность, самоубийства, умственные заболевания, бездомность. В большинстве этих исследований использовалась идея различных уровней социальной дезорганизации, во-первых, в сельской и городской местности, во-вторых, в различных частях города. Последнее положение сформулировано в теории концентрических зон Эрнста Берджесса. Наиболее высокий уровень социальной дезорганизации характерен для *зоны перехода*, то есть зоны, непосредственно примыкающей к центру города. Именно в этой зоне, как правило, регистрируется наиболее высокий уровень преступности и других видов девиантности.

Подход социальной дезорганизации так же, как и подход социальной патологии, был подвергнут жесткой критике. Утверждалось, что дезорганизация – это субъективное и оценочное понятие, замаскированное под объективные концептуальные рамки. Указывалось также, что социальная дезорганизация предполагает разрушение предшествующей организации, которое часто невозможно установить. С социальной дезорганизацией смешивается социальное изменение без объяснения, почему одни социальные изменения являются “дезорганизирующими”, а другие “организирующими”. Отмечалось, что социальная дезорганизация обычно считается чем-то “плохим”, а это является оценочным суждением наблюдателя. Наконец, то, что представляется дезорганизацией, может быть высокоорганизованной системой конкурирующих норм. Многие девиантные культуры, такие, как подростковые шайки, организованная преступность, гомосексуальные сообщества, проституция, “беловоротничковая преступность”, не говоря уже о политической коррупции, являются высокоорганизованными [Clinard, Meier. P. 66–67; Мартиндейл. С. 386–416]. В частности, это отмечает Уильям Уайт в своей работе “Общество на углу улицы”, написанной по результатам четырехлетнего включенного наблюдения [Whyte]. Его основной вывод заключался в том, что итальянский квартал в Бостоне, представлявший “благополуч-

ным” жителям этого города перенаселенными, хаотическими, “дезорганизованными” трущобами с высоким уровнем преступности, в действительности являлся высокоорганизованной общностью со своим набором ценностей, норм и образцов поведения. Подобного рода критика привела к попыткам найти иное, четкое и ценностно-нейтральное определение социальной дезорганизации. В частности, Альберт Коэн предложил понимать ее как нарушение “конститутивного порядка событий” [Коэн].

В середине XX века доминирующим направлением в социологии социальных проблем становится функционализм. Главными представителями **функционалистского подхода к социальным проблемам** являются Роберт Мертон и Роберт Нисбет. Одно из исходных положений данного подхода заключается в том, что между периодически возникающими социальными проблемами и ценностями и институтами культуры существует тесная и предсказуемая связь. “Социальные проблемы... часто связаны функциональными отношениями с институтами и ценностями” [Contemporary Social Problems, 1966. P. 3]. Например, социальная проблема алкоголизма, указывает Нисбет, во многом неотделима от социальной функции, выполняемой алкоголем во множестве значимых контекстов коммуникации – от семейного предобеденного коктейля через религиозные церемонии до обязательного дипломатического приема [Contemporary

Хотя трудности и страдания можно обнаружить в любом обществе в любой исторический период, представление о том, что они являются социальными проблемами, относительно которых что-то можно и необходимо предпринять, является относительно недавним

Social Problems, 1966. P. 2]. Таким образом, исследование социальных проблем дает возможность глубокого проникновения в природу общества: его социальную структуру, систему нормативной регуляции, процессы организации и дезорганизации, образцы конформности и девиантности [Contemporary Social Problems, 1966. P. 1]. Функционалистский подход

к социальным проблемам заключается в выявлении *условий или видов поведения, которые мешают реализации целей общества, препятствуют его ровному функционированию или приводят общество в неустойчивое, неравновесное состояние.* Центральное место в ряду концептуальных средств этого подхода занимает понятие дисфункций как последствий какой-либо социальной деятельности, идущих вразрез с функциональными требованиями социальной системы или разрушающих институциональные связи. «Исследование социальных проблем, – пишет Р. Мертон, – требует от социологов скорее внимания к дисфункциям образцов поведения, убеждений и организации, нежели сосредоточения главным образом или исключительно на их функциях» [Contemporary Social Problems, 1966. P. 817]. Определив дисфункциональные условия или виды поведения как социальные проблемы, функционалисты стремятся исследовать и объяснять их происхождение. По аналогии с различением явных и латентных функций Р. Мертон проводит различие между *явными и латентными социальными проблемами.* Социологи, согласно такой точке зрения, выступают экспертами, одна из задач которых заключается в обнаружении и изучении латентных социальных проблем.

Вклад Мертона в изучение социальных проблем связан также с его теорией девиантного поведения как симптома рассогласованности между целями, предписываемыми культурой, и предоставляемыми социальной структурой средствами их достижения [Мертон, 1992а, 1992б, 1992в]. Данная теория включает типологию приспособления (конформизм, инновация, ритуализм, ретретизм и мятеж) к целям и институциональным средствам индивидов, занимающих различное положение в социальной структуре, которая может объяснять возникновение целого ряда явных и латентных проблем. Инновационным типом приспособления объясняется часть преступности, включая экономическую; ритуализмом – бюрократизм; ретретизмом – употребление наркотиков, алкоголизм, часть самоубийств, бездомность; мятежом – идеологический терроризм, деятельность экстремистских групп. Мертон уточняет, что ритуалистское приспособление в общем не является социальной проблемой, поскольку в сущности это внутреннее решение, а внешнее его проявление, хотя и не является предпочтительным в культуре, все же институционально разрешено.

Важно отметить, что различные виды девиантного поведения рассматриваются Мертоном как

следствие нормального реагирования людей на социальную ситуацию, в которой они оказываются. Как социолог, он отказывается от поиска каких-либо особенных биологических или психологических предрасположенностей к девиантному поведению. “Наша главная задача, – пишет Мертон, – состоит в том, чтобы понять, каким образом социальная структура побуждает некоторых членов общества к несоответствующему предписаниям поведению” [Мертон, 1992а. С. 118].

Критика традиционных подходов и альтернативные направления в социологии социальных проблем

Итак, традиционно под социальными проблемами понимались и понимаются некоторые “объективные” социальные условия – нежелательные, опасные, угрожающие, противоположные природе “социально здорового”, “нормально” функционирующего общества. На социологическом языке они описываются как проявления социальной патологии, социальной дезорганизации, дисфункции, социальные противоречия, структурные напряжения и т. д. Задачи социологов с традиционной точки зрения заключаются в том, чтобы *выявлять* эти вредные условия, *анализировать* их, *устанавливать* те социальные силы, которые способствовали их возникновению, и, возможно, *предлагать* определенные меры по исправлению данных ситуаций. Традиционные подходы, таким образом, являются объективистскими, трактующими социальные проблемы как социальные условия. Такое отношение настолько сильно укоренилось в сознании обществоведов, что без определенного мысленного усилия представлять социальные проблемы, например, преступность, безработицу, употребление наркотиков, ВИЧ/СПИД, загрязнение окружающей среды, иначе как социальные условия, характеризующиеся такими показателями, как уровень преступности, темпы ее роста, численность безработных, людей, употребляющих наркотические вещества, ВИЧ-позитивных и т. д., подчас бывает довольно трудно. Подобное понимание социальных проблем соответствует здравому смыслу.

Объективистские подходы к социальным проблемам были подвергнуты в последней трети XX века критике, лейтмотив которой заключался

в том, что объективистская трактовка не способствует пониманию некоторых процессов, связанных с возникновением и существованием социальных проблем, и развитию такой области исследования, как *социология социальных проблем*.

Суть критических замечаний сводится к следующему. Во-первых, социологи, как указывает Герберт Блумер, сами по себе не способны выявить, идентифицировать социальную проблему. “Социологи распознают социальные проблемы только после их признания в качестве таковых обществом. Социологическое признание социальных проблем идет в кильватере социетального признания, меняя направление вместе с ветром общественной идентификации социальных проблем” [Блумер. С. 150–151]. Действительно, если мы обратимся к научным журналам, монографиям и сборникам, то заметим, что социологи, выбирая предмет исследования, чаще всего руководствуются определенной конъюнктурой. Предметом изучения, как правило, становятся ситуации, уже имеющие статус серьезных социальных проблем в обществе (преступность, бедность, безработица, употребление наркотиков, терроризм). При этом опубликовано очень немного российских социологических работ, например, о социальных аспектах алкоголизации населения или распространения ВИЧ/СПИДа. Очевидно, что определенное влияние на выбор предмета исследования оказывают научные фонды, обозначающие приоритетные для них темы.

Во-вторых, объективистская теория, считающая социальные проблемы простыми отражениями объективных условий, “не может объяснить, почему одни условия определяются как проблемы, привлекая к себе самое серьезное общественное внимание, тогда как другие, одинаково пагубные или опасные, остаются без подобного определения” [Хилгартнер, Боск. С. 18]. Почему, например, несмотря на существующие данные о распространности и крайне серьезных последствиях таких явлений, как алкоголизация населения или насилие в семье, они в отличие от употребления наркотиков и преступности не вызывают общественно-го внимания и беспокойства?

В-третьих, объективистские подходы препятствуют созданию такой области анализа, как социология социальных проблем, определению ее

предмета, развитию общей теории социальных проблем, поскольку ведут к анализу социальных условий, связанных друг с другом лишь тем, что они оцениваются как нежелательные. Сами по себе эти условия имеют между собой мало общего, поэтому понимание какого-либо одного условия не способствует пониманию других [Полач. С. 9]. Для того чтобы убедиться в обоснованности последнего замечания, зададимся вопросом: что общего, например, между такими социальными условиями в России, как преступность, бедственное положение людей с ограниченными физическими возможностями, безработица, загрязнение окружающей среды, употребление наркотиков, распространение туберкулеза и ВИЧ, коррупция, бездомность? Очевидно, что знание преступности ничем не поможет нам при анализе ситуации с загрязнением окружающей среды или распространением ВИЧ. Таким образом, использование объективистских подходов ведет к тому, что социология социальных проблем “рассыпается” на ряд отдельных направлений: исследование социальной проблемы бедности, исследование проблемы преступности, изучение бездомности и т. д.

Начиная с 1960–1970-х годов возникает и развивается иное направление в социологии социальных проблем, подчеркивающее приоритетное значение определений проблем. Такого рода подход получил название конструкционистского.

Первые очертания конструкционистской трактовки можно обнаружить в работах Ричарда Фуллера и Ричарда Майерса, опубликованных в конце

ными проблемами” [Фуллер, Майерс, 2001. С. 139]. Эти исследователи первыми столь ясно показали значение субъективного элемента социальных проблем, признавая все же, что другим важным элементом являются объективные условия. Фуллер и Майерс утверждают, что ценности, конфликт между ними – основная причина любой социальной проблемы. Они разработали также концепцию стадий социальной проблемы, согласно которой социальные проблемы не возникают сразу как нечто окончательное, созревшее, пользующееся вниманием общественности и вызывающее адекватную политику их решения. Напротив, проблемы постоянно находятся в процессе развития, в котором могут быть выделены различные фазы или стадии, такие, как: 1) осознание, 2) определение политики, 3) реформа.

Следующим шагом в развитии конструкционистского подхода стала теория “наклеивания ярлыков”, разработанная Говардом Беккером и Эдвином Лемертом в 1950–1960-е годы [Lemert; Becker; Social Problems, 1966]. Ее главной чертой является сосредоточенность на дефиниционных аспектах девиантности, субъективных оценках поведения, предположительно нарушающего правила, и последствиях таких оценок, то есть в сущности рассмотрение девиантности как социальной конструкции (как ярлыка или стигмы). Следует указать также на то, что ведущий теоретик конструкционистского подхода к социальным проблемам – Джон Китсьюз – в ранний период своей научной работы занимался развитием данной теории.

Основанием теории “наклеивания ярлыков” является идея определения ситуации, предложенная Уильямом и Дороти Томас в 1928 году (теорема Томаса): “если люди определяют ситуации как реальные, то эти ситуации реальны по своим последствиям” [Thomas, Thomas. P. 572]. С этой точки зрения, если некоторое меньшинство считается “угрозой обществу”, это ведет к значительным объективным последствиям – исключению, угрозам, остракизму, даже когда данная группа людей не представляет угрозы социальному порядку [Аберкромби, Хилл, Тернер. С. 305]. Примером может быть ситуация, которая сложилась на Северном Кавказе в последние годы. Если Чеченская Республика Ичкерия определяется как “очаг терроризма

Само словосочетание “социальная проблема” появилось в западноевропейских обществах начала XIX века и первоначально использовалось для обозначения одной конкретной проблемы – неравномерного распределения богатства

1930-х – начале 1940-х годов [Fuller, Myers, 1941a; 1941b]. “Каждая социальная проблема, – отмечают Фуллер и Майерс, – состоит из объективного условия и субъективного определения... Социальные проблемы – это то, что люди считают социаль-

и преступности”, то последствия такого определения ситуации реальны – в регионе ведутся боевые действия, проводятся “спецоперации”, гибнет, подвергается насилию и испытывает лишения и невзгоды мирное население, и мы имеем в итоге террористические акты в России, совершаемые людьми, потерявшими своих близких.

Социальные проблемы в рамках теории “наклеивания ярлыков” рассматриваются как следствия общественной реакции на некоторые действия индивидов или групп, в частности, как следствия осуществления по отношению к ним жесткого социального контроля. Г. Беккер формулирует это положение, отмечая, что понятие “девиантность” в том виде, в каком оно используется в данном контексте, имеет много общего с понятием “социальная проблема”: “Девиантность создается обществом... Социальные группы создают девиантность, создавая правила, нарушение которых составляет отклонение, применяя эти правила к отдельным индивидам и наклеивая на них ярлык аутсайдеров. С этой точки зрения, девиантность – это не свойство акта индивида, а скорее следствие применения другими индивидами правил и санкций к «нарушителю». Девиант – это тот, на кого удалось наклеить этот ярлык; девиантное поведение – это поведение, на которое люди наклеили ярлык девиантного... Девиантность – результат взаимодействия между некоторой социальной группой и тем, кого группа считает нарушителем правила” [Беккер. С. 145–146]. В качестве примера, иллюстрирующего данное положение, Беккер указывает на проблему употребления наркотиков. Он утверждает, что данная проблема создана скорее реакцией на людей, употребляющих наркотики, со стороны правоохранительных органов, нежели специфическим действием наркотических веществ. По мнению ряда экспертов, наркозависимые совершают кражи и включаются в другие виды преступной деятельности главным образом потому, что найти необходимые им наркотики они могут только на “черном рынке”, по цене, которая гораздо выше той, что была бы, если бы наркотики продавались легально (например, по рецепту врача) [Social Problems: A Modern Approach, 1966. P.10].

Основное положение теории “наклеивания ярлыков” состоит в том, что *определение тех или*

иных индивидов в качестве девиантов, то есть наклеивание на них ярлыка девианта, порождает или усиливает отклонение. «Клеймение индивида в качестве девианта имеет важные следствия в отношении дальнейшего социального участия и представления этого индивида о самом себе. Наиболее важным следствием является радикальное

Исторически первым подходом, который использовали социальные реформаторы и исследователи социальных проблем в конце XIX – начале XX века, был подход социальной патологии

изменение его публичной идентичности. Совершение осуждаемого действия, о чем стало известно окружающим, придает этому индивиду новый статус. Выясняется, что он является не тем, за кого его принимали. На него наклеивается ярлык “гомосексуал”, “наркоман”, “псих” или “сумасшедший”, и с ним начинают обращаться соответствующим образом” [Беккер. С. 148]. После того как на индивида наклеен ярлык “преступник” или “наркоман”, “алкоголик” и т. д., окружающие часто ожидают от него продолжения нарушения норм общепринятого поведения. Это ограничивает жизненные шансы индивида и ведет его к принятию и развитию девиантной роли. Иными словами, ответ индивида на такую общественную реакцию часто заключается во *вторичном отклонении* (термин, предложенный Э. Лемертом [Лемерт. С. 142–145]). Таким образом, общество своей жесткой реакцией на первичное отклонение – первичное нарушение правила поведения – реакцией, которая заключается в наклеивании ярлыка девианта и соответствующих стереотипных ролевых ожиданиях, способствует усилению девиантности.

Применение теории “наклеивания ярлыков” к анализу ситуации в российском обществе позволяет сделать на первый взгляд парадоксальный вывод: причиной определенной части преступности в России является репрессивная система уголовного правосудия. Значительная часть преступлений в России представляет собой вторичные отклонения, то есть совершается бывшими заключенными,

которые сталкиваются с огромными трудностями по возвращении из мест лишения свободы: при устройстве на работу, получении жилья, поддержании отношений с близкими, обеспечении минимумом средств к существованию.

О масштабах наклеивания таких ярлыков, как “преступник”, “уголовник”, “отсидевший”, свидетельствуют данные о численности заключенных в России на 100 тысяч населения. В России к 1 марта 2006 года в местах лишения свободы находилось 839 тысяч человек, что составляет 588 заключенных на 100 тысяч населения¹. Между тем, в подавляющем большинстве западноевропейских стран это число не превышает 100 (за исключением Испании, Великобритании и Португалии, где число заключенных на 100 тысяч населения больше 100, но меньше 150 [Кристи. С. 24–26]). Иная ситуация в странах Восточной Европы, но и здесь Россия лидирует вместе с Белоруссией. Наряду с этими странами к числу “тюремных сверхдержав”, в которых число заключенных на 100 тысяч населения превышает 500, относятся и США, где в 2003 году этот показатель равнялся 710 (первое место в мире)². По оценкам правозащитников, в результате такой численности заключенных в настоящее время и еще более высокой в прошлом каждый четвертый взрослый мужчина в России – бывший заключенный³.

Причиной столь большого числа заключенных в России является традиционно репрессивная практика правосудия по уголовным делам. Об этом свидетельствует тот факт, что доля оправдательных приговоров российских судов по уголовным делам составила в 2002 году всего 0,8% от общего числа приговоров, в предыдущие годы этот показатель был еще меньше – менее 0,5%⁴. По словам Дидерика Лохмана, “не только в законодательстве – в головах людей презумпции невиновности нет. Раз “попал”, значит уже виноват... В России господствует такое отношение: преступника надо наказать и отправить в заключение, а о его будущем

можно и не думать. Преступник наказан, и человека больше нет. Конечно, это общество себя обманывает. Большинство осужденных людей через некоторое время снова будут частью свободного общества” [Лохман. С. 19].

Судьба людей после освобождения усугубляется крайне тяжелыми условиями содержания в местах лишения свободы, способствующими распространению туберкулеза, ВИЧ и других заболеваний. По данным на 1 января 2003 года, туберкулез обнаружен у 86,1 тысячи, то есть у 10% российских заключенных⁵. К концу 2004 г. ВИЧ был выявлен у 4% заключенных (30 904 человека из 763 100)⁶. Таким образом, распространенность туберкулеза и ВИЧ в СИЗО и колониях значительно выше, чем среди населения в целом.

Общепризнанным является отсутствие в России действенной системы социальной и психологической реабилитации людей, освобождающихся по окончании срока. Они оказываются на свободе без денег и жилья, часто будучи больными туберкулезом и другими заболеваниями, они утратили трудовые навыки и квалификацию, постоянно сталкиваются с подозрительностью и жестоким отношением со стороны окружающих, включая сотрудников правоохранительных органов. По данным социологов, в середине 1990-х годов 60–70% бездомных составляли бывшие заключенные, которые не смогли после освобождения найти жилье [Сидоренко. С. 46].

С позиций теории “наклеивания ярлыков” очевидно, что “борьба с преступностью”, основанная на жестких наказаниях, длительных сроках лишения свободы, ведет не к снижению уровня преступности, а к ее росту. При использовании репрессивных мер социального контроля значительное число людей оказываются в ситуации стигматизации, наклеивания ярлыка “преступник”, в результате чего растет число “криминальных карьер” и соответственно количество преступле-

¹ Статистика УИС на 1 марта 2006 года <<http://www.prison.org>> (28.02.2006).

² Абрамкин В. Тюремное население России и других стран. М., 2003.

³ Досье на цензуру. 1999. №7–8. С. 19.

⁴ Новый кодекс разгрузил камеры // Российская газета. 2003. 7 марта.

⁵ Сведения об учреждениях ГУИН МЮ РФ на начало 2003 г. <<http://www.prison.org/penal/stat/doc011.htm>> (9.02.2004).

⁶ Количество ВИЧ-инфицированных осужденных, содержащихся в учреждениях УИС Минюста, 1994–2004 (данные ГУИН Министерства юстиции РФ) <<http://www.afew.org/russian/statistics/HIVinRFprisons.htm>> (01.12.2005).

ний, представляющих собой вторичные отклонения. Как отмечает Нильс Кристи, “в современном обществе главная опасность преступности состоит не в преступлениях, а в том, что борьба с преступностью может столкнуть общество на тоталитарный путь развития” [Кристи. С. 16].

Конструкционистский подход к социальным проблемам предполагает исследование процессов определения людьми тех или иных ситуаций как нежелательных, пагубных, опасных, угрожающих и т. д. В настоящее время термины “конструкционизм”, или “конструктивизм”, стали настолько распространенными в различных областях социальной науки, что значение их уже является крайне расплывчатым. Нередко их использование вызывает раздражение у части социологов именно в силу этой неопределенности и некоторой “модности”. Как указывает Дж. Бест, противники конструкционизма часто приравнивают его к нигилистической критике науки и другого знания. “Важно понять, – добавляет Бест, – что социологи социальных проблем имеют в виду нечто совсем другое, когда они используют данный термин” [Best. P. 23].

Основные идеи конструкционистского подхода были сформулированы Малькольмом Спектором и Джоном Китсьюзом в 1970-е годы [Спектор,

Kitsuse]. Они определяют социальные проблемы как *риторику*, а именно – как *деятельность индивидов или групп, выражающих недовольство и выдвигающих утверждения требовательного характера относительно некоторых предполагаемых условий* [Спектор, Китсьюз. С. 161]. С данной точки зрения, социальные проблемы – это конструкции, создаваемые индивидами или группами, которые привлекают внимание общественности к тем или иным предполагаемым условиям и выступают с требованиями их изменить.

Ключевыми в определении социальных проблем являются понятия “выдвижение утверждений требовательного характера” (claims-making) и “предполагаемые условия”. Английское слово “claim” используется в данном контексте не просто в значении “утверждение”, а в значении “утверждение требовательного характера” или “утверждение-требование”: конструируя социальные проблемы, члены общества *утверждают*, что существует вредное социальное условие, и *требуют* его устранения или изменения. Выдвижение утверждений-требований, то есть риторика требовательного характера, включает в себя, согласно Спектору и Китсьюзу, ответы на вопросы анкет или интервьюеров при обследованиях общественного мнения, обращения

с жалобами и письмами протеста, предъявления судебных исков, выступления в парламенте, проведение пресс-конференций, распространение “проблематизирующих” сообщений посредством массовой коммуникации, организацию митингов, пикетов, демонстраций, маршей протеста, забастовок и т. д. [Спектор, Китсьюз. С. 162].

К традиционным подходам в социологии социальных проблем относят, как правило, подходы социальной дезорганизации и функционалистский

Слово “предполагаемый” используется конструкционистами для того, чтобы подчеркнуть, что любое утверждение требовательного характера выдвигается относительно условия, *предположительно* существующего. Сосредоточиваясь на анализе риторики требовательного характера, Спектор и Китсьюз оставляют в стороне вопрос о том, являются выдвигаемые утверждения-требования верными или ошибочными, существует в действительности условие, относительно которого они выдвигаются, или нет: “Мы не касаемся того, существует или нет предполагаемое условие” [Спектор, Китсьюз. С. 162]. Такую теоретическую позицию называют *строгим конструкционизмом, или феноменологической версией конструкционизма*.

Между тем большая часть конструкционистов занимают умеренную конструкционистскую позицию, которую вслед за Джоелом Бестом принято называть *контекстуальным конструкционизмом*. Это мягкая версия конструкционизма, допускающая возможность рассмотрения социальных условий и ситуаций, относительно которых выдвигаются требования изменения, то есть возможность обращения к социальному контексту конструирования социальных проблем. “Контекстуальные конструкционисты исследуют выдвигание утверждений-требований в контексте культуры и социальной структуры. На практике это означает, что аналитик может подвергнуть сомнению утверждения, что сатанисты приносят в жертву 60 тысяч человек ежегодно (на том основании, что индивиды и группы, выдвигающие антисатанистские утверждения-требования, не в состоянии привести ве-

сомые данные в поддержку своих обвинений), и в целом может использовать официальные данные о числе людей со СПИДом (на том основании, что степень, в которой организационные практики искажают сбор официальной статистики, ограничена). Отметим, что в фокусе внимания аналитика остается конструирование социальных проблем. Для конструкциониста вопрос вряд ли будет заключаться в точном числе жертв сатанизма или людей со СПИДом. Аналитик скорее будет интересоваться способами сбора статистики, ролью, которую играют статистические данные в риторике требовательного характера, реакцией, которую они вызывают со стороны средств массовой коммуникации, должностных лиц и общественности и т. д. Однако контекстуальные конструкционисты предполагают, что выдвигание утверждений-требований происходит в некотором контексте. Так, социолог, изучающий сатанизм, может быть изумлен тем, что оценки числа людей, принесенных в жертву, настолько слабо подкреплены какими-либо эмпирическими данными, и задаваться вопросом о том, почему антисатанистские утверждения-требования относительно успешны. А социолог, изучающий СПИД, может удивляться, почему, несмотря на накапливающиеся данные о серьезности ситуации, потребовалось так много времени для того, чтобы должностные лица и пресса обратили внимание на СПИД” [Best. P. 61].

Предложенное Спектором и Китсьюзом определение социальных проблем положило начало целой традиции конструкционистских кейс-стади – исследований конкретных случаев конструирования социальных проблем. В настоящее время число таких работ в англо-американской и японской социологии равняется нескольким сотням. Конструкционисты изучали проблематизирующую риторику в отношении самых различных ситуаций, например, жестокого обращения с детьми, курения, избиения жен, подростковой делинквентности, употребления наркотиков, аборт, сатанистских групп, распространения ВИЧ/СПИДа, использования маргарина, ожирения, загрязнения окружающей среды, глобального потепления, бездомности, транспортных “пробок” и т. д. Некоторые исследования при этом имели исторический характер, например, работы о конструировании

“еврейской проблемы” в нацистской Германии [Berger] или моральных паниках.

Конструкционизм предполагает иной набор вопросов для исследователя социальных проблем. Например, как указывает Бест, с позиций традиционного объективистского подхода к бездомности важными являются вопросы о численности бездомных, о том, почему люди становятся бездомными, и т. д. Конструкциониста же интересует, представляет ли бездомность социальную проблему, то есть является ли она предметом беспокойства и обсуждения со стороны общественности, чьи утверждения-требования делают бездомность предметом общественного внимания, как эти утверждения представляют бездомных, что делается для того, чтобы эти утверждения выглядели убедительными, как общественность и политики реагируют на эти утверждения-требования, как изменяются с течением времени эти утверждения, какова их судьба, а следовательно, и судьба социальной проблемы бездомности [Бест. С. 166]. Такое исследование социальной проблемы бездомности в России предполагает, в частности, анализ деятельности организаций “Врачи без границ”, “Ночлежка”⁷ и некоторых других, своими действиями прямо или косвенно привлекающих внимание общественности к положению бездомных в России и, таким образом, конструирующих данную проблему.

Важное место в рамках конструкционистского подхода занимает модель *стадий социальной проблемы* Спектора и Китсьюза.

Стадия 1. Группа (или группы) пытается утверждать, что некоторое условие существует, определяет его как оскорбительное, вредное, нежелательное, предалает эти утверждения гласности, инициирует обсуждение, делает это условие предметом общественного и политического внимания.

Стадия 2. Признание легитимности этой группы некоторой официальной организацией или институтом. Это может привести к официальному расследованию, предложениям реформ, созданию организации с целью отреагировать на эти утверждения-требования.

Стадия 3. Повторное выдвижение утверждений-требований первоначальной группой (или

другими группами), выражающее неудовлетворенность установленным порядком ведения дел относительно данного условия, бюрократическим обращением с утверждениями-требованиями, неспособностью создать условия сотрудничества и доверия в рамках этого порядка и бездушным отношением к утверждениям-требованиям.

Стадия 4. Отказ группы, выдвигающей утверждения-требования, от деятельности официальной организации или института или отсутствие официальной реакции и разворачивание деятельности по созданию альтернативных, параллельных или противодействующих институтов” [Спектор, Китсьюз. С. 163].

Поясняя эту схему, Ник Мэннинг указывает, что официальные органы часто реагируют на выдвижение утверждений-требований рутинным или неэффективным образом (стадия 2). В политической практике этой стадии соответствует создание специальных государственных комиссий. Последние, как правило, состоят из представителей правящей элиты и занимаются тем, что рассматривают факты, выслушивают мнения заинтересованных сторон и дают некоторые рекомендации. Эта процедура может продолжаться длительное время, в течение которого начальное условие или событие может измениться само собой. Правительство может отреа-

Начиная с 1960–1970-х гг. возникает и развивается конструкционистское направление в социологии социальных проблем, подчеркивающее приоритетное значение определений проблем

гировать позитивно на эти рекомендации, но обычно, не будучи связано ими, не предпринимает каких-либо действий. Третья стадия предполагает два возможных варианта развития событий: либо происходит возврат ко второй стадии, при этом требование группы может завязнуть в этой “петле” и исчезнуть, либо происходит переход к четвертой стадии, когда группа решает, что необходимо создать альтернативу стадии второй. Группа может

⁷ См., например, сайт, созданный по инициативе этой организации <http://www.nadne.ru>.

решиться на самостоятельные действия с целью исправления ситуации или сосредоточиться на неспособности официальных структур удовлетворить их интересы и попытаться изменить их более или менее решительным образом [Mannin. P. 10–11].

Действенность этой модели для объяснения происходящего более очевидна в случае с социальными проблемами, возникшими относительно недавно. Если рассматривать с данной точки зрения такую проблему, как нарушение прав человека в советской/российской армии, конструирование которой началось во второй половине 1980-х годов, то создание независимых организаций солдатских матерей – новых структур, неподконтрольных военкоматам и другим армейским структурам, – представляет собой четвертую стадию данной социальной проблемы.

Лидер Санкт-Петербургской правозащитной организации “Солдатские матери” Э. Полякова в интервью в рамках исследования Елены Здравомысловой утверждает: “Если сама армия не может справиться с данными задачами (задачами ее реформирования) и до определенной степени провоцирует правонарушения, то общество должно взять на себя эту задачу путем создания соответствующих добровольных организаций” [Здравомыслова. С. 59]. Е. Здравомыслова указывает на следующие формы деятельности этого движения в защи-

ту прав военнослужащих: “пикетирование зданий, занимаемых армейскими структурами, обращение с требованиями в СМИ, органы власти, консультации и совместные конференции с общероссийскими и международными организациями по защите прав человека, работа в общественной палате, участие в избирательных кампаниях, судебные разбирательства с органами военной прокуратуры и представителями военного округа, марши мира и демонстрации” [Здравомыслова. С. 61].

Следует отметить, что модель Спектора и Кит-сыюза не предполагает строгой последовательности указанных стадий. Более верным, по мнению конструктористов, является взгляд на процесс социальной проблемы как на пересекающиеся, накладывающиеся друг на друга, одновременные взаимодействия.

Вклад конструктористского подхода в изучение социальных проблем заключается в следующем. Во-первых, он предлагает четкое и последовательное определение социальных проблем как риторики, деятельности по выдвижению утверждений требовательного характера относительно некоторых предполагаемых условий. Конструктористское определение положило начало эмпирически плодотворной традиции изучения социальных проблем, при этом данная традиция уже не является исключительно американской [см.: Лунгар; Lagerspetz].

Во-вторых, конструкторизм позволяет проникнуть в природу крайне изменчивого общественного признания тех или иных ситуаций социальными проблемами. Один из основных вопросов для контекстуальных конструктористов – почему какие-то ситуации вызывают беспокойство, определяются как проблемы и находятся в центре внимания политиков, журналистов, общественности в целом, а какие-то, не менее опасные и угрожающие, не проблематизируются? В современном обществе существует бесконечное множество ситуаций, которые потенциально могут иметь статус социальных проблем, однако лишь немногие в действительности обретают этот статус. Конструктористы утверждают, что ситуация приобретает статус социальной проблемы только тогда, когда кто-то преуспел в выдвижении утверждений требовательного характера.

В-третьих, конструкционистский подход является основой для развития новых теорий – об утверждениях-требованиях, о тех, кто их выдвигает, процессе выдвижения утверждений-требований, конкуренции между утверждениями-требованиями, об их аудитории. Как отмечает Джозеф Гасфилд, конструкционистский подход ставит перед нами новые вопросы о возникновении (или упадке) явлений и/или определений этих явлений. “<Данный подход> поднимает вопросы о природе «фактичности», которые до сего времени социологи обычно не поднимали. Это очень полезно, особенно в обществе, находящемся в сильнейшей зависимости от информации и интерпретации, поставляемых средствами массовой коммуникации, правительственными организациями и профессиональными структурами” [Gusfield. P. 17].

Одной из наиболее важных концепций, разработанных в рамках конструкционистского подхода, является концепция публичных арен Стивена Хилгартнера и Чарльза Боска [Хилгартнер, Боск]. Эти исследователи в дополнение к основным конструкционистским положениям выдвинули идею конкуренции между социальными проблемами за обладание такими ограниченными ресурсами, как общественное внимание и пропускная способность средств массовой коммуникации и других арен публичного дискурса. В силу ограниченности этих ресурсов рост одной социальной проблемы, как правило, сопровождается упадком одной или нескольких других.

Одна из сильных сторон конструкционизма заключается также в том, что данный подход, отказываясь от понимания социальных проблем как статичных условий, предлагает рассматривать их в качестве последовательности определенных стадий выдвижения утверждений-требований. Такая трактовка в гораздо большей степени соответствует процессуальной природе социальной реальности. Так, с контекстуально-конструкционистской точки зрения социальные проблемы в российском обществе последних двух десятилетий возникли в результате определенных трансформационных сдвигов, таких, как открытие каналов, посредством которых возможно выдвижение утверждений-требований относительно тех или иных условий. Имеется в виду либерализация средств массовой ком-

муникации в период позднесоветских реформ и в 1990-е годы, появление конституционных гарантий права на свободный поиск, получение, передачу, производство и распространение информации любым законным способом, а также свободы деятельности общественных объединений и права на мирные собрания, митинги и демонстрации; развитие служб изучения общественного мнения и др.

В последнее десятилетие конструкционистский подход все чаще используется российскими социологами. Одними из первых данный подход стали использовать в середине 1990-х годов Галина Еремичева и Юсси Симпура, изучавшие конструирование социальных проблем респондентами в ходе интервью [Еремичева, Симпура, 1995; Симпура, Еремичева, 1997]. Петр Мейлахс в своем контекстуально-конструкционистском исследовании демонстрирует разрыв между конструкциями проблемы наркотиков, создаваемыми прессой, и происходящими процессами [Мейлахс], Елена Богданова исследует конструирование проблемы защиты прав потребителей [Богданова], Иван Климов – проблематизацию реформы системы социальных льгот [Климов]. В то же время применимость конструкционистского подхода вызывает ожесточенные споры среди российских социологов. Нередко конструкционистские идеи подвергаются жесткой критике, которую не всегда можно признать обоснованной. В целом же большинство российских социологов по-прежнему осознанно или неосознанно используют традиционные (функционалистский или марксистский) подходы к социальным проблемам или пытаются совместить объективистские и конструкционистские идеи.

Все сказанное в отношении конструкционистского подхода не означает, что ему нет альтернативы. Современные теоретики конструкционизма открыто заявляют о том, что они не призывают отказаться от проведения объективистских исследований, то есть от изучения преступности, бездомности, безработицы и т. д. как объективных социальных условий. Как указывает Донилин Лазик, это можно представить как академическое разделение труда: “Различные подходы просто задаются вопросами о различных аспектах жизни, и отрицать важность каких-либо теоретических

рамок означает ограничивать наше понимание... Кто-то может изучать объективный мир. Конструкционисты же сосредотачиваются на *смыслах*, которые люди создают в нашем мире” [Loseke. P. X, 14]. Таким образом, можно и нужно изучать преступность, коррупцию, наркоманию, психические заболевания, бедность, безработицу, бездомность, беспризорность, положение людей с ограниченными физическими возможностями, загрязнение окружающей среды как социальные условия. Однако если исследуется проблематизирующая риторика, процессы определения социальных условий как проблематичных, то здесь приоритет, несомненно, за конструкционистским подходом. По крайней мере, с ним уже нельзя не считаться – начиная со второй половины 1980-х годов именно конструкционизм определяет то направление, в котором развивается сейчас социология социальных проблем. ■

Литература

- Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б.С.* Социологический словарь. М.: Экономика, 2004.
- Беккер Г.* Девиантность как следствие “наклеивания ярлыков” / Контексты современности–II: Хрестоматия. Сост. и общ. ред. С.А. Ерофеева. Казань: Изд-во Каз. ун-та, 2001.
- Бест Дж.* Конструкционистский подход к исследованию социальных проблем / Контексты современности–II: Хрестоматия. Сост. и общ. ред. С.А. Ерофеева. Казань: Изд-во Каз. ун-та, 2001.
- Блумер Г.* Социальные проблемы как коллективное поведение / Контексты современности–II: Хрестоматия. Сост. и общ. ред. С.А. Ерофеева. Казань: Изд-во Каз. ун-та, 2001.
- Богданова Е.А.* Конструирование проблемы защиты прав потребителей // Рубеж. 2003. №18.
- Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А.* Энциклопедический словарь. СПб., 1896.
- Гидденс Э.* Социология. М.: Эдиториал УРСС, 1999.
- Дюркгейм Э.* Самоубийство: социологический этюд. СПб., 1998.
- Еремичева Г.В., Силпура Ю.* Грязь: символические и практические измерения социальных проблем в Санкт-Петербурге // Мир России. 1995. № 2.
- Здравомыслова Е.А.* От социальной проблемы к коллективному действию: правозащитная организация “Солдатские матери” / Общественные движения в современной России: от социальной проблемы к коллективному действию. М.: Ин-т социологии РАН, 1999.
- Климов И.А.* Деньги вместо льгот: о социальной предыстории одной реформы // Социальная реальность. 2006. № 2.
- Коэн А.* Исследование проблем социальной дезорганизации и отклоняющегося поведения / Социология сегодня: проблемы и перспективы. М.: Прогресс, 1965.
- Кристи Н.* Борьба с преступностью как индустрия. Вперед, к Гулагу западного образца. / Пер. с англ. А. Петрова, В. Пророковой. Предисл. Я. Гилинского. 2-е изд. – М.: РОО “Центр содействия реформе уголовного правосудия”, 2001.
- Лемерт Э.* Первичное и вторичное отклонения / Контексты современности–II: Хрестоматия. Сост. и общ. ред. С.А. Ерофеева. Казань: Изд-во Каз. ун-та, 2001.
- Ленуар Р.* Предмет социологии и социальная проблема / Ленуар Р., Мерлье Д., Пэнто Л., Шампань П. Начала практической социологии. СПб.: Алетейя, 2001.
- Лохман Д.* В головах людей нет презумпции невиновности // Досье на цензуру. 1999. № 7–8.
- Мартиндейл Д.* Социальная дезорганизация: конфликт между нормативным и эмпирическим подходом // Беккер Г., Босков А. Современная социологическая теория. М.: Иностранная литература, 1961.
- Мейлахс П.А.* Дискурс прессы и пресс дискурса: конструирование проблемы наркотиков в петербургских СМИ // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. № 4.
- Мертон Р.К.* Социальная структура и аномия // Социологические исследования. 1992а. № 2.
- Мертон Р.К.* Социальная структура и аномия // Социологические исследования. 1992б. № 3.
- Мертон Р.К.* Социальная структура и аномия // Социологические исследования. 1992в. № 4.
- Обаленский Л.Е.* Что в обществах следует считать болезнями? Опыт введения в общественную патологию // Мысль. 1880. № 7.
- Полач Д.* Социальные проблемы с конструкционистской точки зрения / Средства массовой коммуникации и социальные проблемы: Хрестоматия. Казань: Изд-во Каз. ун-та, 2000.
- Сидоренко С.А.* Московские бездомные – первые шаги в изучении проблемы // Экономические и социаль-

- ные перемены: мониторинг общественного мнения. 1995. № 4.
- Симтура Ю., Еремичева Г.В.* От грязи к преступности: динамика восприятия социальных проблем населением Санкт-Петербурга // Мир России. 1997. № 2.
- Спектор М., Китсюз Дж.* Конструирование социальных проблем // Контексты современности—II: Хрестоматия. Сост. и общ. ред. С.А. Ерофеева. Казань: Изд-во Каз. ун-та, 2001.
- Тарновская П.Н.* Женщины-убийцы. СПб., 1902.
- Тарновский В.М.* Проституция и аболиционизм. СПб., 1888.
- Тарновский В.М.* Проституция и аболиционизм / Антология социальной работы. В 5-ти томах. Т. 2. Феноменология социальной патологии. Сост. Н.В. Фирсов. М.: Свароть—НВФ СПТ, 1995.
- Томас У., Знанецкий Ф.* Понятие социальной дезорганизации // Контексты современности – II: Хрестоматия. Казань, 2001.
- Фуллер Р., Майерс Р.* Стадии социальной проблемы // Контексты современности – II: Хрестоматия. Сост. и общ. ред. С.А. Ерофеева. Казань: Изд-во Каз. ун-та, 2001.
- Хилгарттнер С., Боск Ч.Л.* Рост и упадок социальных проблем: концепция публичных арен // Средства массовой коммуникации и социальные проблемы: Хрестоматия. Казань: Изд-во Каз. ун-та, 2000.
- Шибутани Т.* Социальная психология. М., 1969.
- Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона.* СПб., 1890 – 1906.
- Becker, H.S.* Outsiders: Studies in the Sociology of Deviance, N.Y., 1963.
- Berger, R.J.* Fathoming the Holocaust: A Social Problem Approach. Hawthorne, 2002.
- Best, J.* But Seriously Folks: The Limitations of the Strict Constructionist Interpretation of Social Problems // Challenges and Choices: Constructionist Perspectives on Social Problems / Holstein, J.A., Miller, G. (eds.). Hawthorne, 2003.
- Best, J.* Theoretical Issues in the Study of Social Problems and Deviance // Handbook of Social Problems: A Comparative International Perspective / Ritzer G. (ed.). Thousand Oaks, 2004.
- Booth, C.* Life and Labour of the People in London. London, 1889–1891.
- Clinard, M.B., Meier, R.F.* Sociology of Deviant Behavior. N.Y., 1979.
- Contemporary Social Problems / Merton R. K., Nisbet R. (eds.),* 2nd ed., N.Y., 1966.
- Fuller, R.C., Myers, R.R.* Some Aspects of a Theory of Social Problems // American Sociological Review, 1941a, Vol. 6, February.
- Fuller, R.C., Myers, R.R.* The Natural History of a Social Problem // American Sociological Review, 1941b, Vol. 6, June.
- Gzeen, A.W.* Social Problems: Arena of Conflict, N.Y., 1975.
- Gusfield, J.R.* Theories and Hobgoblins // Society for the Study of Social Problems Newsletter. 1985. Vol 17 (Fall).
- Lagerspetz, M.* Constructing Post-communism. A Study in the Estonian Social Problems Discourse. Turku, 1996.
- Lemert, E.* Social Pathology: A Systematic Approach to the Theory of Sociopathic Behavior, N.Y., 1951.
- Lombroso, C.* L'Uomo Delinquente, Milan, 1876.
- Loseke, D.R.* Thinking About Social Problems: An Introduction to Constructionist Perspectives. Hawthorne, 2003.
- Manning, N.* Constructing Social Problems // Social Problems and Welfare Ideology / Manning, N. (ed.). Aldershot, 1985.
- Mills, C.W.* The Professional Ideology of Social Pathologists // The American Journal of Sociology, Vol. 60, September 1942.
- Pfohl, S.* Images of Deviance and Social Control: A Sociological History. N.Y., 1994.
- Rosenquist, C.M.* The Moral Premises of Social Pathology // The Study of Social Problems / Rubington, E., Weinberg, M.S. (eds.). N.Y. Oxford, 2003.
- Smith, S.* The Organic Analogy // The Study of Social Problems / Rubington, E., Weinberg, M.S. (eds.). N.Y. Oxford, 2003.
- Social Problems: A Modern Approach / Becker, H.S. (ed.)*. N.Y., 1966.
- Spector, M., Kitsuse, J.I.* Constructing Social Problems. Menlo Park, 1977.
- Schwartz, H.* On the Origin of the Phrase “Social Problems” // Social Problems. Vol. 44, N 2, May 1997.
- Study of Social Problems: Six Perspectives / Rubington E., Weinberg M.S. (eds.)*. N.Y. Oxford, 1989.
- Study of Social Problems: Seven Perspectives / Rubington E., Weinberg M.S. (eds.)*. N.Y. Oxford, 2003.
- Thomas, W.I., Thomas, D.S.* The Child in America: Behavior Problems and Programs. N.Y., 1928.
- Whyte, W.F.* Street Corner Society: The Social Structure of Italian Slum. Chicago, 1943.